

Даца Милонова

Понять Себя
ПО-ЖЕНСКИ

Даша Милонова

Понять Себя По-Женски

«Автор»

2026

Милонова Д.

Понять Себя По-Женски / Д. Милонова — «Автор», 2026

Элара оказывается в центре событий, которые предвещают начало «запретного резонанса». Древние пророчества оживают, и границы между мирами начинают истончаться. Элара сталкивается с силами, которые угрожают изменить привычный ей мир. В книге переплетаются тайны бессмертия, тёмные силы и элементы тёмного фэнтези. Читатель погружается в атмосферу хаоса и перерождения, где любовь и смерть идут рука об руку. Элара вынуждена принять свою истинную суть и стать частью великой игры, где правит только пульс чешуи. Любовное фэнтези с элементами тёмного фэнтези и драконами не оставит равнодушным любителей захватывающих сюжетов и неожиданных поворотов.

© Милонова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение:	5
Глава 1: Ртуть в венах	7
Глава 2: Аукцион невольниц духа	10
Глава 3: Тень над мраморным залом	13
Глава 4: Клетка из золотого шепота	16
Глава 5: Первый ожог симпатии	20
Глава 6: Татуировка, которая оживает	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Даша Милонова

Понять Себя По-Женски

Введение:

Снег в тот год падал не просто хлопьями, он оседал на землю тяжелым, серым саваном, пропитанным едким запахом гари и предчувствием конца времен, когда даже само небо кажется уставшим от бесконечных войн и амбиций смертных правителей. Элара стояла на самом краю скалистого обрыва, где ледяной ветер пытался сорвать с нее промокший плащ, и вглядывалась в туманную пропасть, не подозревая, что именно в этот момент старый мир, к которому она привыкла, перестал существовать, уступая место хаосу и первородному пламени. Воздух вокруг внезапно стал плотным, почти осязаемым, приобретая металлический привкус озона, который всегда предшествует либо удару молнии, либо явлению существа, чье дыхание способно плавить гранит и превращать города в пыль. Это не было обычным похолоданием; это было физическое присутствие чужой, колоссальной воли, которая сдавливала легкие, заставляя кровь в жилах замедляться, словно она превращалась в густую, неповоротливую ртуть, стремящуюся вырваться наружу сквозь поры кожи.

В тени вековых елей, чьи ветви стонали под тяжестью инея, Элара чувствовала, как внутри нее пробуждается нечто пугающе знакомое и одновременно абсолютно чужеродное – тихий шепот в глубине сознания, резонирующий с гулом, идущим из самых недр земли. Древние пророчества, которые в академии считались лишь красивыми сказками для запугивания непослушных адептов, внезапно обрели плоть и кровь, когда над горизонтом взметнулся первый столб черного огня, разрезая свинцовые тучи своей неистовой мощью. Это был сигнал начала «запретного резонанса», момента, когда границы между миром людей и измерениями крылатых владык истончались до предела, позволяя хищникам прошлого вернуться за своей данью, и этой данью была не просто свобода или территории, а сама жизнь тех, кто нес в себе искру избранности.

Каждый вдох давался ей с трудом, потому что пространство вокруг начало вибрировать, создавая эффект искажения реальности, когда привычные формы деревьев и камней начали двоиться и таять в мареве пробуждающейся магии. Это было похоже на то, как если бы сама ткань бытия была всего лишь тонкой вуалью, которую чья-то невидимая и когтистая рука решила сорвать, обнажая скрытую под ней бездну, полную ярости и вековой жажды мести. Элара видела, как капли ее собственной крови, упавшие на свежий снег из случайно поцарапанной ладони, не впитывались, а начинали светиться слабым, багровым светом, словно они были живыми существами, стремящимися вернуться к своему источнику или позвать того, кто чувствует этот зов за сотни лиг.

В этот момент тишина, установившаяся в лесу, стала абсолютно оглушительной, прерываемой лишь едва слышным треском костей земли, которая не выдерживала давления возвращающейся силы. Это было мгновение истины, когда социальные статусы, богатство и прошлые достижения теряли всякий смысл перед лицом древнего инстинкта, который не признает законов человеческой империи, ориентируясь лишь на запах силы и вкус предопределенной судьбы. В глазах Элары отражалось не просто небо, а гибель эпохи, и в этом отражении уже можно было заметить золотистые искры, которые были явным признаком того, что она больше не принадлежит себе, став частью великой и страшной игры, где правит только пульс чешуи, скрытый под обманчиво хрупкой, тонкой человеческой кожей.

Ветер принес первый звук – не крик и не рык, а глубокий, утробный вибрирующий гул, от которого задрожали скалы под ее ногами, и она поняла, что бежать некуда, ибо зверь уже здесь,

он в ее мыслях, в ее теле, в каждом ударе ее сердца. Мир замер, ожидая первого шага, первого слова или первой искры, которая превратит этот серый вечер в бесконечный пожар перерождения, где любовь и смерть сплетены в такой тугий узел, что разрубить его не под силу даже богам. В этой тишине зародилось начало ее новой истории, написанной пеплом на страницах вечности, где каждое слово обожжено драконьим дыханием и омыто слезами той, кто посмела взглянуть в глаза самой бездне и не отвернуться, приняв свою истинную, пугающую суть.

Глава 1: Ртуть в венах

Холод в тот вечер был не просто погодным явлением, он казался живым существом, вгрызающимся в кости. Элара сидела в самом дальнем углу таверны «Сломанный грош», стараясь слиться с неровными тенями, которые отбрасывал камин. Заведение пахло кислым элем, застарелым потом и дешевым табаком – идеальный аромат для того, чтобы спрятать запах страха. Но сегодня к этой привычной вони примешивалось нечто иное. Металлический, колкий привкус озона оседал на языке, предвещая бурю, которая не имела отношения к облакам.

Элара потянулась к кружке с остывшим травяным отваром, и в ту же секунду мир вокруг нее дрогнул. Ее пальцы, тонкие и вечно мерзнувшие, едва коснулись тяжелой оловянной ручки, как по металлу пробежала судорожная пульсация. Сначала она подумала, что это игра воображения, порожденная усталостью и неделями бегства. Но нет. Олово под ее кожей начало размягчаться, теряя свою непоколебимую твердость. На глазах у изумленной девушки благородный металл потек, словно густой серый мед. Узорчатая ручка вытянулась, деформировалась и капнула на деревянный стол блестящей, живой лужицей, которая тут же начала дымиться, прожигая столешницу.

Сердце Элара пропустило удар. Она отдернула руку, глядя на свои ладони так, будто они превратились в ядовитых змей. Внутри нее, где-то за ребрами, заворочалось нечто тяжелое и раскаленное. Это не была магия, которой учили в столичных академиях – сухая, расчетливая, требующая формул и пассов. Это была стихийная, первобытная мощь, которая не спрашивала разрешения. Она ощущала, как по ее венам вместо крови несется жидкое пламя, тяжелое, как ртуть, и неистовое, как лесной пожар.

– Эй, девка, ты что там творишь с посудой? – прохрипел трактирщик, вытирая грязной тряпкой стойку. Он еще не видел расплавленного металла, но уже почуял неладное в застывшей позе своей гостьи.

Элара не ответила. Ее внимание было приковано к человеку, который только что вошел в таверну. Он не был похож на местных фермеров или заезжих торговцев. Высокий, завернутый в тяжелый дорожный плащ цвета мокрого гранита, он двигался с грацией хищника, который точно знает, что здесь нет никого сильнее него. Его лицо скрывал глубокий капюшон, но Элара почувствовала его взгляд физически – словно по ее коже провели лезвием из холодного льда.

Незнакомец не стал заказывать выпивку. Он медленно обвел взглядом помещение, и когда его глаза – странного, неестественно яркого янтарного цвета – остановились на Эларе, она поняла: бежать поздно. Это был не просто бродяга. Это была ищейка. Пёс, пущенный по следу тех, чья кровь внезапно решила заговорить на языке драконов.

Она попыталась встать, но ноги стали ватными. Ртутная тяжесть в венах теперь давила на суставы, заставляя мир вокруг плыть и искажаться. Она видела, как мужчина медленно идет к ее столику, и каждый его шаг отдавался гулким ударом в ее голове.

– У тебя очень шумная кровь, девочка, – голос незнакомца был низким, с отчетливым рокошущим обертоном, от которого у Элара мелко задрожали зубы. – Она кричит на все пограничье. Ты хоть понимаешь, какую метку ты только что поставила на этой лавке?

Он указал длинным, унизанным странными кольцами пальцем на лужицу олова, которая продолжала пульсировать на столе. Элара сглотнула сухой ком, вставший в горле.

– Я не... я не хотела. Это случайность. Я просто больна, – прошептала она, сама не веря в свою ложь.

Мужчина сел напротив, не дожидаясь приглашения. Его присутствие вытеснило весь остальной мир. Запахи таверны исчезли, остались только аромат каленого железа и далекий, едва уловимый запах гари. Он откинул капюшон, обнажая резкие, словно высеченные из камня черты лица и коротко стриженные волосы цвета воронова крыла.

– Больна? – он коротко, безрадостно рассмеялся. – Если это болезнь, то лекарство от нее только одно – небо. Или плаха, если тебя найдет Орден раньше, чем мой господин. Ты не просто «избранная», как малюют в дешевых балладах. Ты – резонанс. Твое тело начало перестраиваться под частоту зверя. И поверь мне, твои человеческие вены слишком узки для того, что в них сейчас вливается.

Элара почувствовала, как по спине пробежал холодный пот. Она вспомнила рассказы бабки о временах, когда драконы не были мифом, а их Избранницы считались полубогинями. Но в тех сказках всё было красиво: золотые венцы, полеты над облаками, вечная любовь. Никто не говорил о том, что магия будет выжигать тебя изнутри, превращая кровь в тяжелый металл, а обычную кружку – в оружие убийства.

– Кто твой господин? – выдавила она, вцепляясь пальцами в край стола. К ее ужасу, дерево под ногтями начало чернеть, словно от невидимых углей.

– Тот, кто услышал твой первый крик силы за сотни лиг, – ищейка подался вперед, и его янтарные глаза вспыхнули внутренним светом. – Тот, чье имя заставляет содрогаться горы. Последний из рода Черного Пламени. Ксардас ждет свою искру, Элара. И он не привык ждать долго.

В этот момент дверь таверны снова распахнулась, впуская вихрь снега и группу вооруженных людей в красных мундирах – инквизиторы Ордена Чистой Крови. Их предводитель, человек с фанатичным блеском в глазах и серебряным цепом на поясе, сразу вскинул руку, указывая на столик Элара.

– Именем Закона и Света! Схватить ведьму! У нее метка зверя! – взревел он.

Элара замерла, парализованная страхом, но мужчина напротив нее действовал молниеносно. Он не обнажил меча. Он просто положил свою ладонь поверх ее ладони, которая всё еще дымилась на столе.

– Смотри на меня, – приказал он. – Не на них. Внутри тебя океан огня. Перестань его удерживать. Если ты не выплеснешь его сейчас, он разорвет тебя на куски прямо здесь. Дай ему выход.

– Я не умею! – вскрикнула она, чувствуя, как жар в груди становится невыносимым. Ей казалось, что ее кожа вот-вот лопнет, обнажая сияющую, чешуйчатую суть.

– Просто представь, что ты – это и есть пламя. Ты не сосуд. Ты – стихия.

Ищейка сжал ее пальцы, и в этот момент контакт замкнулся. Элара почувствовала, как барьер внутри нее рухнул с грохотом обваливающейся крепостной стены. Ртуть в венах закипела. Она закричала, но из ее горла вырвался не человеческий крик, а высокий, вибрирующий звук, от которого в таверне лопнули все окна.

Свет, вырвавшийся из ее ладоней, был не золотым и не белым. Он был багрово-черным, густым, как запекшаяся кровь древнего бога. Волна чистой кинетической энергии ударила в нападающих инквизиторов, отбрасывая их к стенам, словно тряпичных кукол. Металл их доспехов начал размягчаться прямо на глазах, превращаясь в бесформенные оковы. Воздух в таверне превратился в раскаленный суп.

Элара видела всё это словно в замедленной съемке. Она видела ужас на лице храмовника, когда его серебряный цеп потек на пол сверкающей струей. Она видела, как ищейка рядом с ней довольно оскалился, обнажая слишком острые для человека клыки.

– Неплохо для начала, – проговорил он, перекрывая гул магии. – А теперь уходим, пока ты не испепелила здесь всё вместе с фундаментом.

Он подхватил ее под локоть, и Элара удивилась тому, какой легкой она себе казалась. Вес, который давил на нее последние дни, исчез, сменившись странным ощущением невесомости. Она больше не чувствовала холода. Напротив, ледяной ветер, врывающийся в разбитые окна, казался ей приятным бризом.

Они выскочили в ночь. Снег, касаясь кожи Элары, мгновенно превращался в пар. Она обернулась на таверну – здание светилось изнутри странным, пульсирующим светом, а по бревенчатым стенам бежали змейки расплавленного металла. Это была ее работа. Ее первый след в этом мире, который она когда-то считала своим домом.

– Куда мы? – спросила она, тяжело дыша. Ртуть в венах немного успокоилась, но всё еще тяжело перекачивалась при каждом движении.

– Туда, где чешуя ценится дороже золота, а огонь в крови – это не проклятие, а право на трон, – ищейка свистнул, и из лесной чащи вынырнула огромная тень, очертаниями напоминающая коня, но с крыльями, сложенными вдоль мощного туловища. – Добро пожаловать в новую реальность, Избранница. Постарайся не сгореть до рассвета.

Элара оглянулась на догорающие искры своего прошлого. Там, за спиной, осталась тихая жизнь дочери мельника, скучные молитвы и страх перед будущим. Впереди была только неизвестность, пахнувшая озоном и обещающая силу, способную сокрушить небеса. Она сделала шаг вперед, и под ее сапогом снег не просто растаял – он превратился в стекло.

Пульс под ее тонкой, всё еще человеческой кожей теперь бил в ритме, который слышали только драконы. И этот ритм говорил ей, что это только начало. Первая искра в пожаре, который охватит весь мир. Она чувствовала, как внутри нее расправляет крылья нечто огромное, древнее и абсолютно беспощадное. И это «нечто» было голодно.

Ищейка запрыгнул в седло и протянул ей руку. Его кольца светились в темноте, отражая свет ее собственных, теперь уже не совсем человеческих глаз.

– Зови меня Каэль, – бросил он. – И привыкай к жару. В замке Черного Пламени прохладно не бывает.

Элара вложила свою руку в его. На этот раз металл его колец не расплавился. Он лишь приветственно завибрировал, признавая в ней свою хозяйку. Путешествие в самое сердце шторма началось, и возврата к тишине больше не было. Ее вены теперь принадлежали другому миру.

Глава 2: Аукцион невольниц духа

Небо над Хелиосом, городом-колыбелью крылатых, не знало сумерек в привычном понимании. Здесь закат затягивался на часы, окрашивая облака в цвет перезрелого граната и свежей венозной крови. Элара чувствовала, как этот свет проникает сквозь ее веки, заставляя закипать ртуть, что теперь заменяла ей покой. Каэль не лгал: в этом месте всё было пропитано мощью, от которой у обычного человека лопнули бы барабанные перепонки. Но она больше не была обычной. Ее кожа, обманчиво бледная и нежная, едва сдерживала гул, рвущийся изнутри.

Ее привезли в город не как почетную гостью, а как драгоценный трофей, обернутый в шелка, которые стоили больше, чем вся ее деревня вместе с мельницей и амбарами. Каэль сдал ее стражам у ворот Цитадели Пепла с той же деловитостью, с какой охотник сдает шкуру редкого зверя. Единственное, что он шепнул ей перед тем, как исчезнуть в толпе: «Не смей гаснуть. Драконы не едят холодную пищу, они ее выбрасывают».

Теперь она стояла в центре огромного амфитеатра, высеченного прямо в теле скалы. Стены здесь были покрыты тончайшим слоем обсидиана, который отражал каждое движение, множил каждое проявление страха. Это место называлось Залом Шепотов, но сейчас в нем царила тяжелая, хищная тишина. На высоких трибунах, скрытых за резными балюстрадами, сидели они – высшая аристократия крылатых. Элара не видела их лиц, только блеск чешуи на манжетах, холодное сияние драгоценных камней и вертикальные зрачки, прорезавшие темноту, словно лазеры.

Это не был аукцион плоти. В империи, где драконы правили тысячелетия, рабство тела считалось вульгарным пережитком. Здесь торговали более тонкой материей. Духом. Резонансом. Искрой.

– Лот номер семь, – голос аукциониста, вибрирующий и лишенный всяких эмоций, ударил под купол зала. – Девушка из приграничья. Происхождение – смешанное. Чистота искры – девяносто процентов. Первичный выброс уничтожил здание и группу инквизиторов. Совместимость с высшими порядками... исключительная.

Элара почувствовала, как по залу пролетел вздох. Девяносто процентов. Она не знала, что это значит в цифрах, но по тому, как натянулся воздух, поняла: она – аномалия. На нее смотрели не как на женщину, а как на редкое оружие или аккумулятор невероятной емкости, способный продлить жизнь стареющему лорду или дать наследника тому, чья кровь начала остывать.

– Мы не принимаем золото, – продолжал аукционист, медленно обходя Элару кругом. Он коснулся ее подбородка длинным холодным пальцем, и она едва сдержалась, чтобы не испепелить его на месте. – Сегодня ставками служат права на касание. Права на ментальное слияние. Вы предлагаете свои секреты, свои земли и свои клятвы верности Дому Черного Пламени за возможность обладать этой связью.

Первый голос раздался слева. Он был скрипучим, как сухая чешуя. – Дом Изумрудных Ветров предлагает тридцать лет беспошлинного транзита через Перевал Туманов и древний манускрипт о превращении свинца в живое серебро. Мы хотим исследовать ее предел прочности. Она выдержит погружение в Изумрудное пламя?

Элара вцепилась в подол своего платья. «Предел прочности». Они говорили о ней как о куске стали, который собираются ковать, пока он не сломается. Внутри нее снова заворочалась ртуть. Она ощутила, как кончики пальцев начинают покалывать. В зале стало заметно жарче. Она видела, как по обсидиановым стенам побежали мелкие трещины – ее гнев искал выход, резонируя с камнем.

– Слишком мелко, – оборвал аукционист. – Девушка способна плавить олово одним лишь присутствием мысли. Ваши манускрипты не стоят того, чтобы она просто открыла глаза в вашем присутствии. Кто предложит больше?

– Пять провинций на юге и право вето в Совете Семи, – раздался другой голос, на этот раз глубокий и властный. Это был лорд из Дома Золотой Зари. – Мы обеспечим ей клетку из чистого света. Она будет нашей связью с Первородным Огнем. Мы превратим ее боль в энергию для наших городов.

Элара задрожала. Мысль о том, что ее запрут в золотой клетке и будут выкачивать из нее жизнь, как из колодца, заставила ее зрачки расшириться, заполняя всю радужку чернотой. Магия внутри нее не была доброй. Она была хищной. Она требовала свободы, требовала, чтобы эти существа, возомнившие себя богами, пали ниц перед силой, которую они пытались оценить.

Она сделала шаг вперед. Цепи на ее запястьях – тонкие, изящные, сделанные из магически инертного сплава – натянулись. – Я не вещь, – голос ее прозвучал тихо, но в абсолютной тишине зала он прорезал воздух, как гром. – Вы спорите о том, кто будет владеть штормом, но никто из вас не спросил, готов ли он сгореть.

Смех. Сухой, надменный смех прокатился по трибунам. – Дикая искра, – прокомментировал кто-то из темноты. – Тем ценнее будет ее подчинение. Дракон, который сумеет сломать ее волю, получит власть над самим хаосом.

Торги продолжались. Предложения становились всё более безумными: клятвы крови, артефакты эпохи Сотворения, головы врагов, упакованные в магический лед. Элара чувствовала себя стоящей на краю бездны. Она видела, как аукционист удовлетворенно кивает, как разгораются споры на трибунах. Она была лишь фоном для их геополитических игр, батарейкой для их величия.

И тут зал накрыла тень. Она не упала сверху, она словно соткалась из самого воздуха, поглощая свет факелов и блеск золота. Температура в амфитеатре упала так резко, что у зрителей вырвались облачка пара. Тишина стала такой плотной, что казалось, ее можно трогать руками.

– Никто из вас, – голос донесся из самого центра темноты, – не достоин даже запаха ее страха.

Элара замерла. Этот голос... он вибрировал на той же частоте, что и ртуть в ее венах. Это был не звук, это был зов. Каждая клетка ее тела отозвалась на него, как натянутая струна. Она подняла голову и увидела фигуру, стоящую на верхнем ярусе, прямо над креслом аукциониста.

Мужчина был одет в простое черное одеяние, лишённое украшений, но его аура была такой сокрушительной, что лорды на трибунах начали инстинктивно вжиматься в свои кресла. Его кожа была бледнее, чем у остальных, а волосы – цвета застывшей лавы, черные с красным отливом в глубине.

– Ксардас... – выдохнул аукционист, и в его голосе впервые прорезался настоящий, неприкрытый ужас. – Вы... вы не были приглашены. Ваше право голоса аннулировано Советом еще столетие назад.

– Я не пришел голосовать, – Ксардас медленно спускался по ступеням, и под его ногами обсидиан не просто трескался, он превращался в мелкую пыль. – Я пришел за тем, что принадлежит мне по праву крови и пепла. Эта девочка – не лот. Она – мой резонанс. И любой, кто осмелится сделать на нее ставку, сделает ставку против своей жизни.

– Это нарушение всех законов! – вскрикнул лорд Золотой Зари, вскакивая со своего места. – Мы предложили провинции! Мы предложили власть! Что ты можешь предложить, изгнанник? Ты, чьи земли выжжены, а род проклят?

Ксардас остановился в нескольких шагах от Элары. Она видела его глаза – они не были просто янтарными, как у Каэля. В них бушевал черный пожар, бесконечные воронки тьмы,

в которых гибли миры. Он посмотрел на нее, и Элара почувствовала, как всё ее существо рванулось к нему, ломая внутренние преграды. Это было похоже на возвращение домой после тысячи лет скитаний.

– Я предлагаю ей то, чего никто из вас не может дать, – Ксардас перевел взгляд на трибуны, и лорд Золотой Зари внезапно схватился за горло, оседаая на пол. Его кожа начала покрываться сетью черных вен. – Я предлагаю ей право уничтожить каждого из вас. Я предлагаю ей не клетку, а крылья, на которых она принесет конец вашей эпохе.

Он протянул руку к Эларе. Между ними вспыхнула дуга черного электричества. – Скажи им, – прошептал он, и его голос зазвучал прямо у нее в мозгу. – Скажи им, кому принадлежит твой пульс.

Элара посмотрела на свои запястья. Тонкие кандалы, которые считались неразрушимыми, начали белеть. Она почувствовала, как ртуть в ее венах превращается в плазму. Вся боль, весь страх, вся ярость, которую она копила в таверне, в дороге, здесь – всё это сфокусировалось в одной точке.

– Мой пульс... – начала она, и ее голос усилился магией Ксардаса, превращаясь в звуковой удар, выбивший оставшиеся витражи в зале. – Принадлежит тому, кто не боится моей тени.

Она рванула руки в стороны. Кандалы не просто лопнули – они испарились, превратившись в облако едкого дыма. Волна жара, исходящая от нее, была такой силы, что первые ряды зрителей в панике бросились назад. Элара чувствовала себя центром вселенной, точкой, в которой сходились все линии судьбы.

Ксардас улыбнулся. Это была не добрая улыбка, в ней было обещание войны и разрушения. Он сделал последний шаг и коснулся ее щеки. В месте контакта кожа Элара вспыхнула багровым светом, и на ее шее начал проступать узор, похожий на чешую, – знак истинного союза, который нельзя купить или продать.

– Лот продан, – негромко произнес Ксардас, оглядывая онемевший зал. – Цена – ваша тишина. Навсегда.

Он подхватил Элару, и прежде чем охрана успела среагировать, пространство вокруг них схлопнулось. Зал Шепотов, аукцион, жадные взгляды аристократов – всё исчезло в воронке черного пламени. Осталось только ощущение его силы, обволакивающей ее, и осознание того, что теперь она не просто Избранница. Она – партнер монстра, который пришел забрать этот мир.

Когда зрение вернулось к ней, они стояли на высокой террасе замка, парящего среди грозовых туч. Ветер здесь был колючим и пах солью и сталью. Ксардас отпустил ее, и Элара пошатнулась, пытаясь обрести равновесие.

– Ты спас меня, – выдохнула она, глядя в его непроницаемые глаза.

– Не обманывайся, маленькая искра, – Ксардас подошел к краю террасы, глядя вниз на огни Хелиоса, которые сверху казались мелкими искрами костра. – Я не спасаю. Я инвестирую. Ты – единственное, что отделяет меня от полного безумия, и единственное, что поможет мне сжечь этот город дотла. Привыкай к мысли, что твоя душа теперь – самая дорогая валюта в этом мире. И я не намерен ее тратить по мелочам.

Элара прижала руку к груди. Там, под кожей, пульс чешуи бился в унисон с его сердцем. Она понимала, что аукцион не закончился. Он просто перешел на новый уровень, где ставкой была не ее свобода, а само существование реальности. И в этой игре она больше не была невольницей. Она была искрой, из которой родится пожар.

Глава 3: Тень над мраморным залом

Замок Ксардаса, Цитадель Пепла, не подчинялся законам архитектуры смертных. Он был вырезан из цельного куска базальта, который когда-то, в эпоху Первых Костров, выплюнуло само сердце земли. Стены здесь не просто стояли – они дышали, источая едва заметный жар, а потолки терялись в искусственном полумраке, где вместо люстр сияли плененные молнии. Элара шла за своим спасителем-похитителем по бесконечному антрацитовому коридору, и звук её шагов казался ей кощунственно громким в этой величественной тишине. Она чувствовала себя песчинкой, заброшенной в жернова божественного механизма, который вот-вот придет в движение.

Ксардас шел впереди, не оборачиваясь. Его походка была обманчиво ленивой, но в каждом движении чувствовалась мощь сжатой пружины. Чёрный плащ стелился за ним, словно дым от затухающего костра. Элара смотрела на его широкие плечи и думала о том, что этот человек – или существо, скрывающееся под человеческой личиной – только что купил её жизнь ценой войны со всей аристократией Хелиоса. Зачем? Она не верила в благородство изгнанников. В мире, где кровь имела цену золота, бескорыстие было синонимом слабости, а Ксардас не выглядел слабым.

Они вышли в Мраморный зал – колоссальное пространство, предназначенное для приемов, которых здесь не видели уже добрую сотню лет. Пол был выложен чередующимися плитами белого и черного мрамора, но по центру тянулась широкая полоса темно-красного камня, напоминающая застывшую реку крови. По краям зала высились статуи древних лордов-драконов: исполинские фигуры с суровыми лицами и сложенными за спиной крыльями, чьи глаза-сапфиры, казалось, следили за каждым вдохом незваной гостьи.

– Стой здесь, – коротко бросил Ксардас, остановившись у массивного трона, который выглядел так, будто его сплели из обугленных ветвей железного дерева.

Элара замерла. Воздух в зале внезапно сгустился. Она почувствовала, как ртуть в её венах, утихшая после аукциона, снова начала вибрировать. Это не был приступ боли, скорее – странный, пугающий резонанс. Словно её тело узнавало это место, приветствовало его. Она посмотрела на свои руки: под бледной кожей отчетливо проступили тонкие, серебристо-серые нити сосудов, которые пульсировали в такт какому-то глубинному ритму замка.

– Ты боишься меня, Элара? – Ксардас повернулся. В тусклом свете зала его глаза казались двумя колодцами с жидким золотом, на дне которых копошилась тьма.

– Я боюсь того, что ты со мной делаешь, – честно ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я боюсь этого жара. Я боюсь того, во что превращаюсь. В таверне... люди сгорели по моей вине.

– Люди сгорели, потому что они пытались ограничить то, что не имеет границ, – Ксардас сделал шаг к ней, и тень от его фигуры удлинилась, накрывая Элара холодным саваном. – Ты считаешь это проклятием, потому что тебя учили быть овцой. Но овцы не рождаются с пламенем вместо дыхания. Ты – Избранница. Это слово стерлось от частого употребления в дешевых романах, но его истинный смысл – «ключ». Ты – ключ к силе, которую мой род копил веками и которую у нас украли те, кто сейчас восседает на трибунах Хелиоса.

Он подошел вплотную. Элара ощутила исходящий от него аромат озона, старой кожи и чего-то еще – дикого, первобытного, напоминающего запах раскаленной пустыни после редкого дождя. Он поднял руку, не касаясь её, но она почувствовала жар, исходящий от его ладони.

– Твое происхождение – смертный приговор для империи, – продолжал Ксардас. – Ты думаешь, тебя выставили на аукцион, чтобы найти тебе мужа? Нет. Тебя выставили, чтобы найти наиболее эффективный способ твоего уничтожения. Сожрать твою искру, пока она не превратилась в пожар. Но я... мне не нужна твоя смерть. Мне нужно твое пробуждение.

– Зачем? Чтобы использовать меня как оружие? – Элара вскинула подбородок. – Ты ведь такой же, как они. Просто твои методы изящнее.

Ксардас усмехнулся, и эта усмешка была острее любого клинка. – Оружие? Оружием может быть меч или лук. Ты – нечто большее. Ты – часть меня, которую я никогда не должен был встретить. Видишь эту тень?

Он указал на пол. Тень Ксардаса не была неподвижной. Она жила своей жизнью: её края медленно изгибались, напоминая очертания огромных крыльев, а внутри неё, казалось, двигались искры. Но странным было другое – тень Элара, обычно тонкая и человеческая, теперь тянулась к тени Ксардаса, переплетаясь с ней, словно два любовника, истосковавшихся по близости.

– Наши тени уже узнали друг друга, – прошептал он. – Твой пульс под кожей – это эхо моего сердца. Мы связаны запретным резонансом. Если я погибну, твоя магия выжжет тебя за считанные часы. Если ты погаснешь, я превращусь в безумного зверя, который не оставит от этого мира даже пепла. Это не любовь, Элара. Это биологическая неизбежность.

Элара отшатнулась, но тени на полу не разомкнулись. Они сплелись в тугой узел, чернильное пятно на мраморе, которое, казалось, поглощало свет. Ей стало трудно дышать. Каждый вдох приносил в легкие частицы его магии, тяжелой и пряной.

Внезапно в зале послышался шорох. Из теней за колоннами вышли двое. Они были похожи на людей, но их движения были слишком резкими, почти механическими. На них были маски из темного металла, скрывающие лица, и длинные рясы цвета запекшейся крови.

– Мой лорд, – один из них склонил голову в глубоком поклоне. – Совет Хелиоса прислал вестника. Они требуют возврата... объекта.

– Объекта? – голос Ксардаса стал тихим и опасным, как шипение змеи перед броском. – Передай вестнику, что если он не покинет мои земли в течение трех минут, я скормлю его кости гончим пустоты. И скажи Совету: торги окончены. Теперь начинается жатва.

Слуги исчезли так же незаметно, как и появились. Ксардас снова повернулся к Эларе. Его ярость была почти осязаемой, она вибрировала в воздухе, заставляя хрустальные подвески на люстрах испускать тонкий, жалобный звон.

– Тебе нужно отдохнуть, – его тон изменился, в нем проскользнули нотки странной заботы, смешанной с холодным расчетом. – Твое тело еще не привыкло к такой концентрации силы. Завтра начнется твое обучение. И поверь, это будет гораздо больнее, чем плавящееся олово.

– Почему ты просто не оставишь меня в покое? – выдохнула Элара. – Я не просила об этом. Я хотела просто жить, выйти замуж, растить детей...

– И умереть в тридцать пять от чахотки или в родах, не узнав, что могла бы гасить звезды одним взглядом? – Ксардас сделал резкое движение, оказавшись в сантиметре от её лица. – Ты врешь себе, Элара. Я чувствую твой голод. Твоя кровь поет не о детской колыбели, она ревет о небе. Ты боишься не силы. Ты боишься того, насколько тебе нравится обладать ею.

Он был прав. Это была самая страшная правда, которую она скрывала даже от себя. В ту минуту в таверне, когда инквизиторы разлетались в стороны, она почувствовала не только ужас. Она почувствовала дикое, пьянящее торжество. Она была богом в том маленьком, грязном помещении. И этот вкус власти теперь преследовал её, требуя новой порции.

– Иди, – Ксардас указал на боковую дверь, ведущую в жилые покои. – Мой замок огромен, но не пытайся бежать. Ты не найдешь выхода из Пепла, если я сам его не открою. И помни: каждый твой шаг здесь оставляет след в моей душе. Не разочаруй меня своими попытками вернуться к нормальности. Нормальность для тебя мертва.

Элара молча развернулась и пошла к двери. Она чувствовала на своей спине его тяжелый, прожигающий взгляд. Когда она уже коснулась массивной ручки двери, ей показалось, что тень

над залом вздрогнула и на мгновение приняла форму колоссального дракона, склонившего голову над своей добычей.

Она вошла в свои новые покои – комнату, отделанную серым шелком и темным деревом. В камине уже горел огонь, но пламя в нем было не оранжевым, а нежно-лиловым. На кровати лежало платье из ткани, напоминающей чешую – мягкой на ощупь, но прочной, как сталь.

Элара подошла к зеркалу в полный рост. Она едва узнала себя. Глаза стали ярче, кожа казалась полупрозрачной, а в глубине зрачков мерцали искры, которые не имели отношения к отражению каминного огня. Она коснулась шеи, там, где Ксардас оставил свое прикосновение. Под пальцами кожа была горячей, и ей показалось, что она чувствует, как там, под слоем эпидермиса, медленно формируется первый ряд настоящей, невидимой глазу чешуи.

Она присела на край огромной кровати, обхватив себя руками. Снаружи, за окном-бойницей, бушевала гроза. Молнии разрезали небо над Цитаделью Пепла, и в каждом ударе грома ей слышалось имя: Ксардас. Он был её спасителем, её проклятием и её зеркалом. Он был тем, кто вытащил её из человеческого небытия и бросил в костер божественности.

В ту ночь Эларе снились не поля её родной деревни. Ей снился полет. Она чувствовала, как огромные кожистые крылья режут воздух, как под ней проплывают горы, похожие на мелкую гальку, и как в её груди зарождается крик, способный расколоть луну. И в этом сне рядом с ней летела другая тень – огромная, черная, как сама пустота. Они не сражались. Они танцевали в потоках раскаленного воздуха, создавая идеальную симметрию разрушения.

Она проснулась от собственного крика в предрассветных сумерках. В комнате было прохладно, лиловое пламя в камине превратилось в горсть мерцающих углей. Но когда она взглянула на свои руки, она увидела, что простыни под её ладонями превратились в пепел. Ртуть в венах пульсировала ровно и уверенно.

Она больше не была Эларой, дочерью мельника. Тень над мраморным залом окончательно поглотила её прошлое, оставив лишь жажду того будущего, которое обещал Ксардас. Будущего, где она станет бурей, а мир – лишь декорацией для её триумфа. Она встала, подошла к окну и посмотрела на встающее солнце, которое сегодня казалось ей слишком бледным по сравнению с тем огнем, что теперь жил у неё внутри.

Ксардас ждал её. Она чувствовала это каждой клеточкой своего обновленного тела. Битва за её душу была проиграна еще до того, как она началась, но битва за её волю только вступала в свою самую острую фазу. И Элара знала: она не просто выживет в этом пламени. Она возглавит его.

В глубине замка раздался низкий, вибрирующий звук – словно гигантский инструмент издал одну единственную ноту. Это Цитадель приветствовала свою новую хозяйку. Или свою самую опасную пленницу. Элара расправила плечи, и на мгновение тень за её спиной в утреннем свете показалась шире и грознее, чем тень самого Ксардаса. Игра началась, и ставки в ней были выше, чем жизнь или смерть. Ставкой была сама вечность, пахнущая озоном и ждущая первого взмаха крыльев.

Глава 4: Клетка из золотого шепота

Пробуждение в Цитадели Пепла было похоже на погружение в холодную ртуть: сознание возвращалось медленно, преодолевая сопротивление вязких, раскаленных снов. Элара открыла глаза и тут же зажмурилась от невыносимого сияния. Это не был мягкий солнечный свет, пробивающийся сквозь утренний туман над родной деревней. Это был свет иного порядка – плотный, гудящий и до пугающего материальный. Она находилась в самом сердце замка Ксардаса, в покоях, которые больше напоминали драгоценную шкатулку, созданную для того, чтобы скрыть внутри нечто опасное.

Стены комнаты были затянуты тяжелыми шпалерами, сотканными из металлических нитей. Каждая нить вибрировала, издавая едва слышный звук, похожий на шепот тысяч голов, сливающихся в единый монотонный гул. Этот золотой шепот проникал под кожу, резонировал с костями и заставлял ртуть в венах Элара вести себя осторожно, почти боязливо. Это была не просто комната. Это была клетка. Изящная, роскошная, пахнущая сандалом и грозой, но всё же – тюрьма.

Элара поднялась с кровати, чувствуя, как шелк простыней скользит по ее телу. На ней была сорочка из тончайшего паучьего шелка, который едва ощущался на коже, но стоило ей сделать резкое движение, как ткань натягивалась, сдерживая ее порывы. Она подошла к высокому окну-арке. Стекла в нем не было – лишь мерцающая завеса силового поля, сквозь которую виднелись бесконечные гряды облаков, подсвеченные снизу багровыми отблесками невидимых пожаров. Цитадель парила так высоко, что воздух здесь казался разреженным и сухим, обжигающим легкие при каждом вдохе.

Она протянула руку к завесе, желая коснуться облаков, но стоило ее пальцам приблизиться к границе, как золотой шепот стен превратился в резкий, предупреждающий звон. Воздух перед ней уплотнился, материализуясь в виде тонкой решетки из чистого света. Элара отдернула руку. На кончиках пальцев остались крошечные ожоги, которые затянулись прямо на глазах, оставляя после себя лишь мимолетный привкус озона.

– Он боится, – прошептала она в пустоту комнаты. – Великий и ужасный Ксардас боится, что его «искра» просто шагнет в бездну.

– Я не боюсь твоего падения, Элара. Я боюсь того, что ты решишь упасть раньше, чем научишься летать.

Голос Ксардаса возник из тени у входа, хотя секунду назад там никого не было. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, скрестив руки на груди. Сегодня на нем не было тяжелого плаща – только простая черная рубаша с расстегнутым воротом и кожаные штаны. В таком виде он казался почти человеком, если бы не глаза, в которых застыло расплавленное золото, и не аура холодной, подавляющей мощи, которая заполняла пространство, вытесняя золотой шепот клетки.

Элара развернулась к нему, ее волосы разметались по плечам, а глаза вспыхнули ответным, не менее яростным светом. Она больше не чувствовала себя той испуганной девочкой из таверны. Вчерашний аукцион, его прикосновение, пробудившаяся сила – всё это выковало внутри нее новый стержень, острый и хрупкий, как обсидиановое лезвие.

– Эта комната... – она обвела рукой сияющее пространство. – Зачем весь этот театр? Почему бы просто не заковать меня в кандалы, которые ты так эффектно уничтожил вчера? К чему этот золотой шепот?

Ксардас медленно пошел к ней. Каждый его шаг заставлял ворс на ковре искриться и темнеть. Он остановился в двух шагах, и Элара ощутила его жар – сухой, властный, притягивающий.

– Кандалы бесполезны для того, чья кровь способна растворить любой металл, – спокойно ответил он. – Ты сама видела, на что способна твоя ярость. Эта комната – не тюрьма в привычном понимании. Это стабилизатор. Золотые нити гасят избыточный фон твоей энергии, чтобы ты не испепелила себя во сне. Ты сейчас как новорожденное солнце: слишком много жара, слишком мало контроля.

– И ты, конечно, бескорыстно решил стать моим щитом, – Элара горько усмехнулась. – Скажи честно, Ксардас. Тебе нужно не мое спасение. Тебе нужен предохранитель. Каэль сказал, что я – оружие против твоего безумия. Что это значит? Ты теряешь разум?

Лицо дракона на мгновение окаменело. В глубине его зрачков мелькнула тень – нечто темное, первобытное и бесконечно голодное. Эларе показалось, что она слышит далекий, утробный рев зверя, запертого в глубоком подземелье.

– Все мы теряем разум, – проговорил он, и его голос стал на октаву ниже. – Драконья кровь – это дар, который со временем превращается в яд. Мы живем слишком долго, видим слишком много смертей и разрушений. Со временем огонь внутри начинает выжигать душу, оставляя лишь жажду хаоса. Избранницы – это те, кто способен поглощать этот избыточный жар. Вы – наш якорь в реальности. Без тебя я через год-другой превращусь в бездумную гору чешуи и ярости, которая сожжет этот мир просто потому, что ей станет слишком скучно.

Он протянул руку и коснулся пряди ее волос. Элара вздрогнула, но не отстранилась. От его пальцев исходило тепло, которое успокаивало ртуть в ее жилах, заставляя ту течь медленнее, размереннее. Это было странное, пугающее чувство зависимости, которое ей совсем не нравилось.

– Значит, я – твое лекарство? – она заглянула ему в глаза, пытаясь найти там хоть каплю искренности. – Твоя живая грелка?

– Ты – моя погибель или мое спасение, – Ксардас резко убрал руку. – Пока я сам не знаю. Но сейчас ты – моя пленница. И ты останешься здесь, пока не научишься направлять свой огонь в русло, которое не уничтожит нас обоих.

– А если я откажусь? – Элара сделала шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума. – Если я решу, что лучше сгореть самой, чем спасти монстра, который украл меня у моей жизни?

Ксардас наклонился к ее уху. Его дыхание обожгло кожу. – Твоя жизнь была ложью, Элара. Ты никогда не принадлежала тому миру мельников и инквизиторов. Ты всегда была частью неба. Ты можешь ненавидеть меня, можешь пытаться убить меня – я даже буду приветствовать эти попытки, они закаляют волю. Но ты не сможешь отказаться от того, кто ты есть. И ты не сможешь уйти от резонанса. Посмотри на стены.

Элара проследила за его взглядом. Золотые нити на шпалерах начали менять свой узор. Они больше не вибрировали хаотично – они пульсировали в такт ее сердцу. Каждый удар ее пульса находил отражение в сиянии комнаты. Она и эта клетка стали единым целым. Она была вписана в архитектуру его власти, стала деталью в механизме его выживания.

– Ты видишь? – Ксардас выпрямился, и в его глазах блеснуло торжество. – Замок признал тебя. Он поет твою песню. Ты думаешь, это я запер тебя здесь? Нет. Это твоя собственная магия ищет защиты в этих стенах. Ты боишься себя больше, чем меня. И ты права в этом страхе.

Он развернулся и пошел к выходу, но у самой двери остановился. – Завтра мы начнем тренировки. Не надейся на снисхождение. В этом замке выживают только те, кто умеет превращать свою боль в доспехи. А пока... наслаждайся шепотом. Он скоро станет твоим единственным собеседником.

Дверь закрылась с тихим щелчком, который прозвучал для Элара как приговор. Она осталась одна в сияющем великолепии своей золотой тюрьмы. Шепот стен стал громче, теперь в нем отчетливо слышались интонации Ксардаса, переплетенные с ее собственными невысказанными желаниями.

Она подошла к столу, на котором стоял графин из горного хрусталя. Вода внутри него светилась мягким голубоватым светом. Элара налила воду в бокал и замерла. Стекло под ее пальцами начало покрываться инеем, а затем внезапно треснуло, рассыпавшись на тысячи сверкающих осколков. Вода не разлилась – она зависла в воздухе, удерживаемая ее волей, превращаясь в ледяные иглы.

Элара смотрела на эти иглы и понимала: Ксардас прав. Она была опасна. Она была нестабильна. Но он ошибался в одном – она не собиралась быть его лекарством. Если она и была искрой, то той, что раздует пожар в самом сердце его Цитадели.

Она села на пол, прямо на мягкий ворс ковра, и закрыла глаза. Золотой шепот пытался убаюкать ее, убедить в безопасности, обещать вечный покой в этой роскошной изоляции. Но Элара слушала не стены. Она слушала ртуть в своих венах. Она слушала зверя, который теперь жил внутри нее и который с каждым часом становился всё сильнее.

Клетка была прекрасна, но у каждой клетки есть ключ. И если Ксардас думал, что этот ключ находится у него, он очень сильно заблуждался. Ключ был в ее крови. В той самой боли, которую он советовал превратить в доспехи. Элара собиралась превратить ее в меч.

Часы тянулись медленно, превращаясь в вечность. Свет в комнате менял оттенки от ярко-золотого до густого янтарного. Элара изучала каждый дюйм своей тюрьмы. Она поняла, что шпалеры не просто гасят ее магию – они ее записывают. Узоры на стенах были картой ее состояний. Когда она злилась, нити вспыхивали багровым. Когда затихала – становились бледно-лимонными. Это была не просто стабилизация, это был тотальный контроль. Ксардас знал о каждом ее вздохе, о каждой мимолетной мысли, отраженной в магическом фоне.

– Ты хочешь знать меня? – прошептала она, обращаясь к стенам. – Хорошо. Смотри.

Она сосредоточилась на образе таверны, на запахе гари и вкусе свободы, который она ощутила на мгновение. Она вызвала в памяти лицо инквизитора в момент его гибели. Она позволила своей ярости течь свободно, не пытаясь ее сдерживать.

Шпалеры взвыли. Золотой шепот превратился в яростный крик. Нити начали рваться, не выдерживая напора ее воспоминаний. Комната наполнилась едким дымом, и сияние стен начало меркнуть, уступая место первобытной тьме. Элара чувствовала, как замок содрогается, как где-то в глубине фундамента стонут древние камни. Она была не просто гостьей. Она была вирусом в его идеальной системе.

Через мгновение дверь распахнулась, и в комнату ворвался Ксардас. Его лицо было бледным, а в руках он сжимал амулет, который яростно пульсировал синим светом.

– Прекрати! – выкрикнул он. – Ты разрушишь стабилизаторы! Если щиты падут, замок рухнет на город!

Элара открыла глаза. Она сидела в кольце черного пламени, которое не обжигало ее, но жадно лизало золотые нити шпалер. – Пусть рушится, – сказала она голосом, который казался ей чужим. – Я не буду частью твоего механизма, Ксардас. Я не твоя батарейка.

Ксардас замер. Он смотрел на нее с выражением, в котором смешались ужас и... восхищение. Он медленно опустил амулет. – Ты сильнее, чем я предполагал. И гораздо безумнее.

– Мы ведь одного рода, не так ли? – Элара поднялась на ноги, и пламя вокруг нее опало, превратившись в тонкую вуаль дыма. – Ты сам сказал, что мы – резонанс. Привыкай к тому, что я буду фонить, Ксардас. Твоя золотая клетка слишком мала для моего шепота.

Он ничего не ответил. Лишь молча смотрел, как золотые нити на стенах медленно восстанавливаются, но теперь на них остались несмываемые черные пятна – следы ее первого настоящего бунта. Клетка осталась клеткой, но теперь в ней жил хищник, который осознал свою силу. И Ксардас знал, что с этого момента тишины в Цитадели Пепла больше не будет. Никогда.

Когда он ушел, Элара снова подошла к окну. Облака внизу теперь казались ей не барьером, а дорогой. Она прижала ладонь к холодному воздуху за невидимой решеткой. Золотой

шепот стен стал тише, почти заискивающим. Он больше не пытался ее подчинить. Он пытался с ней договориться.

Но Элара не собиралась договариваться. Она собиралась править. В этой клетке, в этом замке, в этом теле. Она начала понимать, что ее избранность – это не только проклятие драконьей крови. Это возможность стать чем-то, чего мир еще не видел. И если для этого нужно было пройти через ад золотого шепота, она была готова. Ведь в конце любого ада всегда ждет рассвет. И этот рассвет будет принадлежать ей.

Глава 5: Первый ожог симпатии

Цитадель Пепла жила по своим ритмам, которые не имели ничего общего с движением солнца над горизонтом. Здесь время измерялось глубиной теней и температурой камня под босыми ногами. После ночного бунта Элара золотой шепот в её покоях стал тише, превратившись в едва уловимое гудение, похожее на рой сонных пчел, запертых в янтарной ловушке. Но тишина в комнате не означала тишину в голове. Напротив, каждый раз, когда Элара закрывала глаза, она чувствовала присутствие Ксардаса. Это не было физическим наблюдением – за ней не следили через щели или магические зеркала. Это было нечто куда более интимное и пугающее. Это было ментальное соседство.

Она сидела на широком подоконнике, глядя на то, как клочья тумана цепляются за острые шпили башен. Воздух был неподвижен, но внутри неё продолжалась буря. Ртуть в жилах больше не кипела, она перекачивалась тяжелыми, ленивыми волнами, отзываясь на каждое движение мысли. Именно в этот момент, когда защита была ослаблена усталостью, это случилось. Барьер между «я» и «он» внезапно истончился, став прозрачным, как крыло стрекозы.

Сначала пришел запах. Резкий, обжигающий запах гари, смешанный с ароматом старой кожи и застывшего воска. Затем – холод. Ледяной ветер, который резал не кожу, а самую суть бытия. Элара вскрикнула, вцепившись пальцами в обсидиановый подоконник, но крик не сорвался с губ – он прозвучал внутри чужого разума. Она провалилась в Ксардаса, словно в колодец, наполненный жидким пламенем и битым стеклом.

Это был первый неконтролируемый ментальный контакт – тот самый резонанс, о котором он предупреждал, но к которому невозможно было подготовиться. Она увидела его глазами. Но это не был мир замка или Хелиоса. Это были его сны. Его кошмары, которые он нес в себе сотни лет, бережно упакованные в саван из гордости и молчания.

Перед ней расстилались выжженные небеса. Небо не было голубым или черным – оно было цвета запекшейся крови, прошитое всполохами багровых молний. Элара чувствовала тяжесть огромных крыльев за спиной. Каждое их движение требовало колоссальных усилий, воздух был таким горячим, что легкие превращались в пепел при каждом вдохе. Внизу, на земле, которая когда-то была цветущими долинами, теперь догорали остовы великих городов. Она чувствовала его ярость – чистую, дистиллированную ненависть к тем, кто заставил его род превратиться в пепел. Но под этой яростью скрывалось нечто гораздо более болезненное: бездонное, ледяное одиночество. Одиночество существа, которое пережило всё, что любило, и теперь обречено вечно кружить над руинами собственного прошлого.

– Уходи... – прохрипел его голос в её голове, но в этом требовании не было силы, только отчаяние. – Не смотри сюда. Это не для твоих глаз, маленькая искра.

Но она не могла уйти. Резонанс держал их крепче, чем любые цепи. Она видела, как в его памяти рушатся башни из белого камня, как кричат люди, превращаясь в черные тени под ударами пламени. И она чувствовала его вину. Ксардас не просто наблюдал за этим разрушением – он был его инструментом. Каждая смерть была записана на его чешуе несмываемым клеймом.

В ту же секунду поток развернулся. Теперь уже Ксардас ворвался в её сознание, вытесняя его собственные кошмары её страхами. Он увидел её детство: запах свежего хлеба, который теперь казался ей чем-то из другой жизни; холодный страх перед инквизиторами, которые проходили через деревню раз в месяц; её маленькую тайну – как она могла нагреть воду в кувшине одним лишь взглядом, и как боялась, что отец заметит это и возненавидит её. Он увидел её самый большой страх – страх перед необратимым. Перед тем, что она никогда не вернется к нормальности, что её человеческая суть будет поглощена этим драконьим пожаром, оставив лишь пустую оболочку, послушную чужой воле.

Это было болезненное, почти непристойное обнажение. Они стояли друг перед другом без масок, без брони из слов и титулов. Две искалеченные души, связанные магией, которую они не выбирали.

Внезапно боль отступила, сменившись странным, пульсирующим теплом. Это был первый ожог симпатии – не той сладкой привязанности, о которой поют в песнях, а сурового, мужского признания равного в боли. Элара почувствовала, как Ксардас в её голове на мгновение замер, коснувшись её страха своим пониманием. Он не стал утешать её, он просто разделил эту тяжесть, сделав её наполовину своей.

Контакт оборвался так же резко, как и начался. Элара обнаружила себя на полу в своих покоях. Сердце колотилось в ребра, как пойманная птица, а ладони были влажными от пота. В комнате пахло озоном, а золотые нити на стенах яростно пульсировали алым светом. Она тяжело дышала, пытаясь осознать произошедшее. То, что она увидела в его голове, не должно было вызывать сочувствия – он был монстром, разрушителем миров. Но она видела цену этого разрушения. Она видела его израненное сердце, скрытое под слоями брони.

Дверь распахнулась без стука. Ксардас вошел в комнату, и его походка больше не была уверенной. Он выглядел так, будто только что вышел из тяжелого боя. Его глаза горели лихорадочным светом, а на скулах играли желваки. Он остановился в нескольких шагах от неё, тяжело опираясь на резную спинку стула.

– Ты... – он запнулся, и в его голосе она впервые услышала тень уязвимости. – Ты не должна была это видеть. Никто не должен. Это мои демоны, Элара. Не смей к ним прикасаться.

– Я не выбирала это, Ксардас, – Элара поднялась на ноги, чувствуя, как дрожат колени. – Это твой резонанс. Ты сам сказал, что мы – одно целое. Значит, твои выжженные небеса теперь и мои тоже.

Он резко сократил расстояние между ними, схватив её за плечи. Его хватка была железной, но она не чувствовала боли – только жар, исходящий от его ладоней. – Ты не понимаешь, во что ввязываешься, – прошипел он ей прямо в лицо. – Сочувствие – это самый быстрый способ сгореть в моем пламени. Не жалею меня. Не пытайся понять. Просто будь тем якорем, который мне нужен, и не лезь в глубину. Там ничего нет, кроме пепла.

– Там есть ты, – твердо ответила она, глядя прямо в его золотые зрачки. – И ты боишься. Ты боишься, что я увижу в тебе не только зверя, но и того, кто плачет над руинами.

Ксардас замер. Его пальцы на её плечах разжались. На мгновение в его взгляде мелькнуло нечто такое, что заставило её сердце сжаться от нежности и ужаса одновременно. Это был ожог – мгновенный, глубокий, оставляющий шрам на самой душе. Симпатия, рожденная из общего кошмара, оказалась сильнее любой ненависти.

Он отступил на шаг, словно испугавшись собственной реакции. Воздух в комнате стал густым и наэлектризованным. Элара видела, как его тень на полу судорожно изгибается, пытаясь принять форму крыльев, но затем снова затихает.

– Иди спать, – бросил он, отворачиваясь. Его голос снова стал холодным и непроницаемым, как обсидиан. – Завтра мы покинем Цитадель. Тебе нужно увидеть мир за пределами этой клетки, прежде чем ты окончательно решишь, что я заслуживаю твоего милосердия.

– Ксардас, – позвала она его, когда он уже был у двери. Он не обернулся, но замер. – То, что я видела... небо в твоих снах. Оно ведь может снова стать голубым?

Он промолчал. Тишина была долгой и тяжелой, наполненной золотым шепотом стен. Наконец, он произнес, едва слышно: – В моем мире неба больше нет. Есть только дым. Не пытайся рисовать на нем облака.

Дверь закрылась, и Элара осталась одна в мерцающем полумраке своей тюрьмы. Она прижала ладонь к груди, там, где под кожей бился пульс чешуи. Теперь этот ритм не был чужим. Он был знакомым. Она знала его боль, она знала его вкус, и, к своему ужасу, она начала понимать его правду.

Этот ожог симпатии был опаснее любого пламени. Он лишал её главного оружия – её ненависти. Без ненависти она была беззащитна перед ним, перед его миром, перед его судьбой. Но в то же время она чувствовала, как внутри неё зарождается новая сила. Не разрушительная ярость, а нечто более тонкое и прочное. Созидательный огонь, который не требует жертв, но ищет выхода.

Она снова легла на кровать, но на этот раз сон не принес кошмаров. Ей снилось, как она идет по пепелищу из снов Ксардаса, и там, где её ноги касаются серой пыли, начинают пробиваться первые зеленые ростки. Это было безумно, это было наивно, но это было её собственное видение. Её ответ на его отчаяние.

Утром она проснулась от того, что золотой шепот стен сменился резким, бодрящим звуком горна. Замок готовился к походу. Элара встала, подошла к зеркалу и увидела, что искры в её глазах стали глубже, приобретая легкий фиолетовый оттенок – цвет первого рассвета над миром, который еще только предстояло создать. Она больше не боялась Ксардаса. Она боялась того, что может полюбить монстра прежде, чем он успеет стать человеком. Но этот страх был живым, он заставлял её сердце биться чаще, напоминая о том, что она всё еще жива. И что её путь только начинается.

Она надела платье из чешуйчатой ткани, которое теперь ощущалось как вторая кожа. Она была готова. Не как невольница, не как батарейка, а как та, кто разделила сон дракона и не ослепла от его яркости. Первый ожог симпатии превратился в первый шаг к свободе, которая пахла озоном и обещала бурю. И Элара знала: эта буря не пощадит никого, но, возможно, именно она очистит мир от векового пепла. Она вышла из комнаты, и на этот раз золотые нити шпалер расступились перед ней сами, признавая её право на движение. Её резонанс нашел свою мелодию, и эта мелодия была только началом великой симфонии разрушения и возрождения.

Глава 6: Татуировка, которая оживает

Тишина после ментального шторма была обманчивой, как затишье в глазнице урагана. Элара стояла перед высоким ростовым зеркалом в своих покоях, и её отражение казалось ей портретом незнакомки. В этом мире, высеченном из базальта и амбиций, она чувствовала, как её старая личность – та испуганная девчонка из приграничья – осыпается сухой штукатуркой. Под ней проступало нечто монолитное, пугающее и бесконечно древнее. Но самым странным было ощущение в районе левой лопатки. Там, где кожа всегда была чистой и гладкой, теперь пульсировал жар, переходящий в тягучий, изматывающий зуд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.